

Паниотова Т.С.,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики,
Институт философии и социально-политических наук
Южный федеральный университет

Будущее как ожидание счастья

Статья посвящена утопической традиции понимания счастья в контексте формирования образов будущего. В утопиях идеал счастливого и гармонично устроенного общества явно или латентно был связан с моделированием альтернативного будущего. Исторически именно утопии выступали своеобразным депозитарием позитивных образов будущего. Анализируя их, можно видеть, как от эпохи к эпохе менялись представления об идеальном обществе, в котором будут счастливы все без исключения. Основываясь на работах Томаса Мора, Шарля Фурье и других мыслителей, автор показывает историческую динамику и причины происходивших изменений.

Ключевые слова: утопия, счастье, образ будущего, Т. Мор, Ш. Фурье, А. Сен-Симон, эвдемонизм.

Paniotova T.S.,
DPhil, Full Professor,
Professor at the Department of Theory of Culture, Ethics, and Aesthetics,
the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences,
Southern Federal University

The Future as the Expectation of Happiness

The article is devoted to the utopian tradition of understanding happiness in the context of the formation of images of the future. In utopias, the ideal of a happy and harmonious society was explicitly or latently associated with the modeling of an alternative future. Historically, it was utopias that acted as a kind of depository of positive images of the future. Analyzing them, one can see how ideas about an ideal society have changed from era to era, in which everyone without exception will be happy. Based on the works of Thomas More, Charles Fourier and other thinkers, the author shows the historical dynamics and reasons for the changes that took place.

Keywords: utopia, happiness, image of the future, T. More, Ch. Fourier, A. Saint-Simon, eudemonism.

Мы живем в обществе, которое, по меткому выражению Ф.Аинсы, пропитано "интернационализмом страха" [Аинса, 2012: 79], и, несмотря на это, продолжаем надеяться на лучшее и мечтать о счастье - о личном счастье, счастье своих близких или о лучшем будущем для своей страны. Если верить Э. Блоху, то надежда — это утопическая функция, которая движет историю в направлении реально возможного позитивного будущего [Bloch, 1985: XVIII]. А будущее воспринимается нами как позитивное именно тогда, когда оно дает нам надежду на счастье. Как заметил итальянский исследователь А.Петруччани: «Загадка всеобщего счастья — вот движущая сила интереса к утопии, спасающая ее, несмотря на то, что оперирует она повествовательными конструкциями, достаточно проржавевшими» [Петруччани, 1991: 111]. Рассмотрению некоторых из этих "проржавевших конструкций" будет посвящена настоящая статья, поскольку слоем ржавчины зачастую покрыта сокровищница идей - незаслуженно забытых, многократно перетолкованных или подвергнутых жесткой и часто несправедливой критике. Не случайно сегодня все чаще слышатся призывы "спасти дух утопии, а не ее букву" [Jacobu, 2005: 14]. А дух утопии – это и есть желание лучшего будущего, мечта о счастье.

Под утопией мы будем понимать универсальную культурную форму чувственно-рационального освоения социальной реальности в образах — концепциях, синтезирующих представления о счастье и гармонии и отвечающих человеческой потребности в предвидении и моделировании альтернативных вариантов исторического развития [Паниотова, 2004: 20].

Для отдельного индивида счастье – это основополагающая интенция его бытия и интегральный результат нравственной жизни. Древнегреческий философ Демокрит полагал, что счастье человека – это особое благодное, уравновешенное, гармоничное, бесстрастное состояние души, а средством достижения счастья является мудрость. Платон считал, что, только заботясь о счастье других, мы находим свое собственное счастье, ведь в идеальном государстве интересы индивида подчинены интересам общности.

Начиная с Платона принцип доминирования целого над частью становится лейтмотивом утопического творчества, а интенция *счастливого коллективного бытия* превращается в смыслообразующее ядро утопии - в стержень, формирующий всю ее структуру и связывающий воедино нравственные, эстетические, социально-политические и прогностические стороны.

Представления о счастье претерпевали изменения в различных исторических и социокультурных контекстах, но убежденность в том, что цель общества – всеобщее счастье, достижимая в ближайшем или отдаленном будущем, оставалась неизменной. Первоначально в многочисленных романах-путешествиях счастливое общество локализовалось на далеких островах, недоступных долинах или вершинах гор. Со временем «утопии неизбежно должны были стать проекциями в будущее, потому что на земле уже не осталось ни неоткрытых райских мест, ни чудесных островов, населенных счастливыми людьми, живущими на лоне природы» [CasasolaRivera, 2014: 386–387]. Однако, и в первом случае романы-путешествия латентно демонстрируют способность

утопического сознания "к переживанию будущего, еще не существующего, как настоящее" [Кирвель, 1988: 50].

Т. Мор, родоначальник утопического жанра, описавший в одноименном произведении остров Утопия, был убежден, что больше нигде в мире нет столь совершенного народа и счастливого государства. Созданная Мором модель идеального государства должна была дать, используя кантовскую характеристику республики Платона, "необходимую идею, которую следует брать за основу при составлении не только конституции государства, но и всякого отдельного закона", хотя многим она могла показаться "разительным примером несбыточного совершенства" [Кант, 1964: 352, 351].

Все звенья моровской модели - экономика, политика, религия, архитектура, нравственность и др. - органично взаимосвязаны и подчинены задаче обеспечения максимально возможной полноты счастья человека. Так, общественная собственность и распределение по потребностям тесно связаны с общим благом и религией; социальный контроль и нравственность - с геометрией архитектуры и эстетикой внешнего вида утопийцев. Здесь труд и досуг дополняют друг друга и в равной степени подчинены централизованному планированию. Для государства, подчеркивал Мор, «прежде всего важна только одна цель: насколько позволяют общественные нужды, избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения, *ибо в этом, полагают они, заключается счастье жизни*» [Мор, 1978: 190]. Здесь мы видим типичное для гуманистов эпохи Возрождения отношение к физическому труду как к телесному рабству и *понимание счастья как духовной свободы*. Как гуманист Мор верил в способность каждого человека к самореализации, к занятиям наукой, искусством, философией и был убежден, что только духовное развитие способно изменить человека и сделать его по-настоящему счастливым. Отсюда вытекает ведущая роль образования. Утопийцы большую часть свободного времени проводят в занятиях наукой и философских дискуссиях, при этом «первый из всех и главный у них спор о том, в чем состоит человеческое счастье – в чем-нибудь одном или же во многом, есть ли для него один источник или несколько» [Мор, 1978:]. Причем они склоняются к мнению тех философов, которые полагают, что "*все счастье или же его важнейшая доля*» заключены в *удовольствии*. Подобно эпикурейцам утопийцы считают безумием добровольно терпеть страдания, отрицать сладость жизни. Жизнь, проведенная бессладостно, будет глубоко несчастной, ведь «после смерти ты ничего не получишь» [Мор, 1978:]. Не правда ли, странная позиция для мыслителя, канонизированного католической церковью? Но здесь важно принять во внимания разъяснения, даваемые путешественником Гитлодеем. По его мнению, представления утопийцев о счастье складываются из следующих положений: «душа бессмертна и по благодати Божьей рождена для счастья»; к счастью, как к высшему благу, человека влечет добродетель; добродетель – это «жизнь в соответствии с природой»; разум зажигает в людях «любовь и почитание величия Божьего, которому мы обязаны и тем, что существуем, и тем, что способны обладать

счастьем» [Мор,1978: 212]. Только встает вопрос: *какой религии?* Ведь в Утопии граждане имеют право исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой. В конечном счете оказывается, счастье как высшее благо - это «жизнь в соответствии с природой». Следует также вспомнить, что счастье у Мора «*заключается не во всяком удовольствии, а только в честном и добропорядочном*» [Мор,1978:211], а «первыми и главенствующими» являются *духовные удовольствия и здоровье*. Так Мор в духе Ренессанса примиряет веру и разум, философию и религию.

Предложенная Т.Мором модель идеального общества продолжает линию Платона: в ней на первом плане находится не отдельная личность, а коллектив, государство, народ, человечество. Соответственно, первостепенной целью выступает счастье коллектива, человечества. «Либо все люди должны быть счастливы, либо никто!» – так можно выразить основной посыл этой, да и всех последующих утопий. Важно, однако, заметить, что воспевание духовной свободы как главной составляющей счастья не могло полностью затмить необходимость решения экономических проблем. Найденный Мором выход состоял в обобществлении собственности, довольствовании малым, уравнительности, воспитании презрения к золоту. У утопистов Просвещения этот эгалитаризм, отражающий на деле неразвитость материальной базы общества, перерос в «грубую уравнительность», ненависть к роскоши и всякого рода «излишества», включая искусство.

Промышленная революция в Англии и Великая Французская буржуазная революция изменили характер утопических систем. Великие социалисты-утописты опираются на практические достижения развивающейся индустриальной цивилизации. Сен-Симон был уверен: «Лучшее общественное устройство, это то, которое делает жизнь людей, составляющих большинство общества, *возможно счастливее*, предоставляя им *максимум* средств и возможностей для удовлетворения их *важнейших* потребностей» [Экономическая система социализма в ее развитии, 1926: 159]. Важно обратить внимание, что речь идет не только о праве на счастье *большинства* членов общества, но и о том, что важнейшие потребности будут удовлетворяться *максимально полно*. Из последующих рассуждений мы узнаем, что речь идет не только о духовных, но и о материальных потребностях. Так, «люди счастливее всего в физическом отношении в той стране, где они лучше всего питаются, одеваются, имеют наилучшие жилища, могут легче всего путешествовать и легче всего доставать повсюду как предметы первой необходимости, так и приятности жизни» [Экономическая система социализма в ее развитии, 1926: 164].

В духовном плане полнота счастья напрямую зависит от уровня образованности, от способности людей ценить изящные искусства, разбираться в науках, уметь практически применять законы природы и, что немаловажно, подобному относиться друг к другу. Огромной заслугой Сен-Симона является и то, что он окончательно и бесповоротно переместил счастливое общество в будущее. Хорошо известно его высказывание: «Золотой век, которое слепое

предание относилось до сих пор к прошлому, находится впереди нас» [Сен-Симон, 1948: 273].

Но, пожалуй, никто не был так одержим стремлением разгадать загадку человеческого счастья, как Шарль Фурье. Движущая сила любой фурьеристской конструкции - не справедливость, равенство или свобода, а *удовольствие*. Фурьеризм, отмечает Р.Барт, есть "радикальный эвдемонизм" [Барт, 2007: 107]. При этом, если мы сравним идеи Фурье с идеями другого поклонника эпикурейской философии - Т. Мора, то увидим всю глубину различий. Мор говорит о счастье как об удовольствии, но удовольствии "честном и добропорядочном". В понимании Фурье, у удовольствия нет меры, нет порядка - его суть чрезмерность, граничащая с беспорядочной вакханалией. У Мора главные удовольствия духовные. Фурьеристские удовольствия чувственны: их охват широк - от свободы любви до фантазмов питания. У него даже труд превращен в удовольствие, в потребность, в игру. Труд у Фурье - не "телесное рабство" и не тяжкий крест, который во имя справедливости, равенства и расширения пространства духовных удовольствий должен нести каждый. Труд - такое же радостное "порхание" от одного вида деятельности к другому, как смена блюд на столе гурмана. Кстати, и в плане потребностей Фурье вину человека видел не в том, что тот желает слишком много, а в том, что он желает мало.

Представление о счастье Ш.Фурье неразрывно связано с его учением о страстях: счастье состоит в том, чтобы иметь много страстей и много средств для их удовлетворения. Страсти вложены в человека богом, а потому плохих страстей не существует. Фурье пишет: "бог поступил безрассудно, вложив в нас такую жажду наслаждений, такие страсти, которые, кажется, созданы для того, чтобы мучить нас, возбуждая тысячи желаний, и в десятой части не могущих быть удовлетворенными при нашем состоянии цивилизации" [Экономическая система социализма в ее развитии, 1926: 231]. Страсти подобны клавишам рояля, нажатие которых производит гармоничное звучание. Согласованная игра страстей раскрывает "механику" счастья.

Начинает Фурье с констатации того факта, что люксизм (группа чувственных страстей) бывает внутренним и внешним: внутренний касается здоровья, а внешний - богатства. «Для полного счастья, - убежден Фурье, - недостаточно иметь внутреннее богатство (*Lux*) или здоровье, мы желаем еще иметь внешнее богатство или состояние, которое гарантирует свободу проявления чувств, сама же возможность этого проявления гарантируется внутренним богатством — здоровьем» [Экономическая система социализма в ее развитии, 1926: 232]. "Органы чувств не могут по-настоящему вознестись в небо без посредства денег", "деньги причастны сиянию удовольствия", - излагает Барт идеи Фурье и комментирует: "Фурье превозносил деньги, потому что для него образ счастья по праву ассоциировался с образом жизни богачей: сегодня это скандальный взгляд, даже по мнению самих миллионеров, порицающих всякое удовольствие, стимулируемое буржуазной моделью" [Барт, 2007: 113, 114-115].

Однако счастье у Фурье не сводится только к здоровью и богатству. Высшую страсть - Унитеизм - он трактует как стремление человека согласовать

свое счастье со счастьем всего человеческого рода: «Это – безграничный филантропизм, всеобщее взаимное доброжелательство, которое сумеет развиться лишь тогда, когда весь человеческий род будет богатым, свободным и справедливым» [Экономическая система социализма в ее развитии, 1926: 233].

Таким образом, можно согласиться с Петруччани, что все утописты стремятся ответить на вопрос "в чем счастье" и описать счастливые миры. Утопии - дело рук человека, который, говоря словами Рюйе, "играет в Бога". Счастливый, гармоничный мир утопий - по сути секуляризированный образ земного рая. Их источник - ностальгия по прошлому, из которой родилась мечта по счастливому настоящему, скрытому от глаз на далеких островах, вершинах гор и т.д. С завершением эпохи географических открытий и началом эры научных и промышленных революций счастливое общество переносится в будущее. Позже антиутопия - альтер-эго утопии - поднимет бунт против спокойного счастья во имя беспокойной свободы, предпримет очередное "бегство из рая", по ходу высмеивая "райские кущи". Однако человеческие надежды обрести счастье и заглянуть в будущее неодолимы, поэтому утопическая функция продолжает пульсировать в современном мире, принимая новые формы и открывая новые возможности. «Возможное богаче реального. Кто лучше обществоведов может знать это? Почему же мы так боимся обсуждать возможное, анализировать и исследовать его? — задается вопросом Иммануил Валлерстайн. — Нам следует поместить не утопию, но утопистику в центр обществоведческих исследований. Утопистика — это оценка возможных утопий, их ограниченности и препятствий, мешающих их воплощению. Это анализ *реальных исторических альтернатив* в настоящем. Это примирение поиска истины с поиском блага» [Валлерстайн, 2003: 288-289].

Статья и является попыткой обсудить возможное, реконструируя различные варианты будущего, которые ожидались или реализовывались в различные исторические эпохи.

Список литературы

Аинса, 2012 – *Аинса Ф.* Утопия: альтернативные модели и формы культурного самовыражения в Латинской Америке. Новые основы утопии «из» и «для» Латинской Америки. Пер. Т.С.Паниотовой // Латинская Америка. 2012. №8. С. 77–88

Валлерстайн, 2003 – *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. Москва: Логос, 2003. 368 с.

Петруччани, 1991 – *Петруччани А.* Вымысел и поучение // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. Пер. с англ. нем., франц. и др. языков. Сост., предисл. и общ. ред. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс. 1991. С. 98–113

Кант, 1964 - *Кант И.* Сочинения в шести томах [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана], М., изд-во «Мысль», 1964. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 3. 799 с.

Кирвель, 1988 – *Кирвель Ч.С.* Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции, Минск, 1988.

Мор, 1978 – *Мор Т.* Утопия [Текст] / Пер. с латин. Ю.М. Каган; Вступ. статья И.Н. Осиновского [с. 5-81] ; Комментар. Ю.М. Каган и И.Н. Осиновского. Москва: Наука, 1978. - 415 с.

Барт, 2007 - *Барт Р.* Сад, Фурье, Лойола / Пер. с франц. Б.М.Скуратова.- М.: Праксис, 2007. 256 с.

Паниотова, 2005 – *Паниотова Т.С.* Утопия в пространстве диалога культур. Ростов на Дону, 2004. 305с.

Сен-Симон, 1948 – *Сен-Симон А.* Рассуждения литературные, философские и промышленные // Сен-Симон. Избр. сочинения. М.-Л., 1948. Т. II.

Экономическая система социализма в ее развитии. Выпуск III-IV. Великие утописты. Под общей ред. проф. И.Д. Удальцова. Сен-Симон, Фурье и их школы. сост. В.Семенов. М.-Л. Государственное изд-во, 1926. 366 с.

Bloch, 1985 – *Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung. Fr.a.M., 1985. 1654s. S. XVIII

Casasola Rivera, 2014 – *Casasola Rivera W.* Hacia una sociedad feliz: la utopía de un ideal // Revista de lenguas modernas. 2014. № 21. P. 385–400

Jacoby, 1999 – *Jacoby, R.* The end of Utopia: Politics and Culture en an Age of Apathy. New York: Basic books, 1999. 236 p.

References

Ainsa, 2012 – *Ainsa F.* Utopiya: al'ternativnye modeli i formy kul'turnogo samovyrazheniya v Latinskoj Amerike. Novye osnovy utopii «iz» i «dlya» Latinskoj Ameriki. Per. T.S. Paniotovoj // Latinskaya Amerika. 2012. № 8. S. 77–88

Vallerstajjn, 2003 – *Vallerstajjn I.* Konec znakomogo mira. Sociologiya НКНI века. Moskva : Logos, 2003. 368 s.

Petruchani, 1991 – *Petruchchani A.* Vymysel i pouchenie // Utopiya i utopicheskoe myshlenie. Antologiyazarubezhnojliteratury. Per. s angl.nem., franc. i dr. yazykov. Sost., predisl. iobshch. red. V.A. CHalikovoj. M.: Progress. 1991. S. 98–113

Kant, 1964 – *Kant I.* Sochineniya v shestitomah [Pod obshch. red. V. F. Asmusa. A. V. Gulygi, T. I. Ojzermana], M., izd-vo «Mysl'», 1964. (Filosofskoe nasledie. Akad. nauk SSSR. In-t filosofii) T. 3. 799 s.

Kirvel', 1988 – *Kirvel' CH.S.* Utopicheskoe soznanie: sushchnost', social'no-politicheskie funkcii, Minsk, 1988.

Mor, 1978 – *Mor T.* Utopiya [Tekst] / Per. s latin. YU.M. Kagan ;Vstup. stat'ya I.N. Osinovskogo [s. 5-81] ;Komment. YU.M. Kagan i I.N. Osinovskogo. - Moskva : Nauka, 1978. 415 s., 1 l. portr. :faks.; 17 sm. - (Predshestvennikinauchnogosocializma : Ser. osnovana V.P. Volginym v 1947 g.). 1978. 414 s.

Bart, 2007 – *Bart R.* Sad, Fur'e, Lojola / Per. s franc. B.M. Skuratova. M.: Praksis, 2007. 256 s.

Paniotova, 2005 – *Paniotova T.S.* Utopiya v prostranstve dialoga kul'tur. Rostov n/D: RGU, 2004. 305 s.

Sen-Simon, 1948 – *Sen-Simon A.* Rassuzhdeniyaliteraturnye, filosofskie i promyshlennye // *Sen-Simon. Izbr. sochineniya.* M.-L., 1948. T. II.

Ekonomicheskaya sistema socializma v ee razvitii. Vypusk III-IV. Velikie utopisty. Pod obshchej red. prof. I.D.Udal'cova. Sen-Simon, Fur'eiihshkoly. sost. V.Semenov. M.-L. Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. 366 s.

Bloch, 1985 – *Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung. Fr. a. M., 1985. 1654 s. S. XVIII

Casasola Rivera, 2014 – *Casasola Rivera W.* Hacia una sociedad feliz: la utopia de un ideal // *Revista de lenguas modernas.* 2014. № 21. P. 385–400

Jacoby, 1999 – *Jacoby R.* The end of Utopia: Politics and Culture en an Age of Apathy. New York: Basic books, 1999. 236 p.